

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-886-892

EDN: MNKIWK

Краткий глоссарий для постановки диагноза цифровой эпохе*

А.В. Нименский, А.Д. Герасимов

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: 1142220897@rudn.ru; 1132210569@rudn.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу Бен-Чхоль Хана «Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху» (Пер. с нем. С.О. Мухамеджанова. М.: Изд-во АСТ, 2025. 160 с.). Согласно аннотации, в этом «лаконичном, концептуально насыщенном эссе» автор «исследует трансформацию демократии в условиях цифровой эпохи, где информация, а не идеология или экономика становится главным инструментом власти» (С. 4). Можно не соглашаться со столь радикальным разведением информации — с одной стороны и идеологии и экономики — с другой (все же информация предполагает идеологическую составляющую, а ее распространение требует экономических вложений), но нельзя не признать, что книга предлагает читателю краткий глоссарий (систему понятий для аналитической работы) для «диагностики» нынешней цифровой эпохи. Авторский «диагноз» неутошитель, но читатель может с ним аргументированно не согласиться, используя авторский категориальный аппарат в своей «диагностике».

Ключевые слова: информация; цифровая эпоха; информационный режим; информационное общество; цифровая рациональность; коммуникативная деятельность; инфократия

Для цитирования: Нименский А.В., Герасимов А.Д. Краткий глоссарий для постановки диагноза цифровой эпохе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4. С. 886–892. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-886-892>

Научные оценки нынешней цифровой эпохи противоречивы, поскольку опираются на разнообразные критерии, ссылаются на многочисленные несочетающиеся концептуальные модели и апеллируют к разноформатным данным, что не могло не отразиться на «типах» дискурсивных описаний современного общества. С одной стороны, появляются работы скорее исторического, констатирующего характера. Например, в книге С. Робертсона представлена последовательная смена информационных технологий в истории человечества: «цифровая эра, коренным образом изменившая наше повседневное восприятие мира... не была единственным переломным момен-

---

*© Нименский А.В., Герасимов А.Д., 2025

Статья поступила 05.07.2025 г. Статья принята к публикации 14.10.2025 г.

том в этом процессе... ей предшествовала... целая история революционных моментов в развитии информационных технологий» [6. С. 4]. В частности, «вслед за первоначальной революцией, состоявшей в изобретении письменности, два революционных и совершенно не очевидных изобретения — алфавит и арабская система счисления — стали двумя краеугольными камнями развивающейся информационной технологии. Их влияние, абсолютно невообразимое для их прародителей, будет ощущаться на протяжении столетий — они подарят нам идеи и позволят мыслить о вещах, которые в ином случае были бы попросту недоступны нашему пониманию» [6. С. 30].

В аналогичном ключе Робертсон характеризует все последующие шаги (по созданию систематических коммуникаций) на пути к нашей цифровой эпохе, на котором старые медиа не столько умирали, сколько радикально трансформировались с технологической точки зрения: мы продолжаем «писать письма», причем значительно чаще, чем в прежние эпохи, но делаем это с использованием новых технических средств; бумажные «базы данных» прошлого сменились своими цифровыми аналогами, что расширило возможности не только хранения информации как таковой, но и разных ее составляющих — визуальных, звуковых и пр. Как справедливо отмечено в аннотации, книга не требует от читателя специальных знаний, чтобы понять, как и почему в своем историческом «путешествии» мы собрали и донесли до современности огромное множество самых разных вещей — знаний, концепций, изобретений, способов мышления и деятельности, идей, методов и техник» [6. С. 187]. Нетребовательность к читателю — характерная особенность данного «типа» изданий.

С другой стороны, второй условный «тип» работ, представленный книгой Бен-Чхоль Хана, весьма требователен к своему читателю: автор не просто использует множество сложных категорий, но весьма творчески с ними обращается, предлагая различные их вариации (не всегда ожидаемые). На помощь заинтересованному, но недостаточно подготовленному читателю приходит научный редактор серии изданных на русском языке книг Хана — А.В. Павлов, предваривший данную работу вводной частью (ее сложно назвать введением или предисловием) с весьма говорящим названием «Коммуницировать до смерти». Сначала здесь уточнен «академический статус» Хана и реконструирована хронология его научных поисков, в некоторой степени завершившихся данным философским эссе: «В 2013 году Хан, будучи пророком актуальных социальных проблем, сместил фокус своего анализа с общества как такового на цифровую коммуникацию... в его творчестве постоянно возрастал интерес к тому, как медиа и технологии влияют на человеческое восприятие и взаимодействие, а также к тому, как динамика между технологиями и сознанием организует реальность... в этой книге философ предстает перед нами в новом амплуа... если предшествующие работы Хана философские и в каждой из них свой акцент (эстетика, онтология, политическая и социальная философия и пр.)... то это полноценная работа по философии медиа» (С. 11–13).

Далее редактор суммирует основные положения книги и используемый в ней категориальный аппарат (конец коммуникативного действия, цифровая рациональность, цифровая демократия и т.д.): сегодня информация (а не средства производства, как в индустриальных обществах) управляет поведением людей, поэтому режим существования современного общества — информационный (эксплуатируется коммуникация, а не люди) и психополитический, а не, скажем, биополитический. Хан критикует М. Фуко за то, что тот не заметил наступления информационного режима, сопоставляя два режима — биополитика опирается на демографическую информацию, психополитика — на психографическую и потому предполагает иллюзию свободы (даже в интернете мы не предоставлены сами себе, а включены в систему жесткого информационного надзора (см., [2]). Воплощение информационного режима — инфократия как своего рода глобальное проявление обозначенных другими авторами более «локальных» тенденций, например, счастьекратии [см., напр.: 4] или «негативных отношений» (см., напр.: [3; 7]): «все более усложняющаяся социальная жизнь (и также внутренняя жизнь индивидов) порождает все новые феномены и новые виды власти (-кратии), которые требуют своего языка описания)» (С. 17).

Опираясь на известные социальные концепции, например, «пересказывая наиболее яркие мысли Н. Постмана» (С. 20), уточняя положения теории Ю. Хабермаса и Х. Арендт, ссылаясь на концепцию «стены фильтров» Э. Паризера, Хан создает свою систему категорий и оценок: «смартфон — новый медиум подчинения» (С. 60); в цифровом мире «коммуникативная деятельность закончилась» (или находится в кризисе), потому что «цифровые племена ориентируются на идентичность и принадлежность, а не на знания»; инфократия — «цифровая постдемократия» (власть идеологии заменили программисты с большими данными); главный субъект инфократии — датаисты (противники коммуникативной деятельности и фанаты информации); место политического дискурса в принятии важных для всего общества решений заняли большие данные и искусственный интеллект, место коммуникативной рациональности — рациональность цифровая, место коммуникативной деятельности — рациональность больших данных; оторванная от реальности информация превращается в пространство цифровой гиперреальности — фактичность нормального дискурса исчезает, а вместе с ней и наш «общий мир». Итог, с грустью констатируемый Ханом, — проигравшая истина (нарративна и потому переживает кризис под натиском теорий заговора и микронарративов), победившая информация («порождает кучу бессмысленного мусора») и человек, «превратившийся в убогий набор данных» (С. 114).

Пессимистичное эссе Хана реконструировано во вводной части книги предельно полно, поэтому, ознакомившийся с ней, незаинтересованный читатель может завершить знакомство с книгой, а заинтересованный продолжит чтение, чтобы «услышать» авторский голос и аргументацию, ознакомиться

с подтверждающими авторские утверждения примерами (Д. Трамп занимает здесь особое место) и реконструировать глоссарий книги, куда Хан, кстати, часто вводит весьма оценочные суждения:

- Информационный режим — «такая форма господства, при которой информация и ее переработка посредством алгоритмов и искусственного интеллекта существенно определяют социальные, экономические и политические процессы (в противоположность дисциплинарному режиму, эксплуатации подвергаются не тела и энергия, но информация и данные)», и «которая стыкуется с информационным капитализмом, превращая его в надзорный капитализм, а людей — в потребительский скот и набор данных» (С. 29), тогда как в дисциплинарном режиме капитализма (биополитике) люди — «послушные тела» и «выдрессированный рабочий скот» (С. 30).

- Топологические принципы информационного режима — прерывность вместо непрерывности и открытость вместо заключения: надзор осуществляется не посредством изоляции, а благодаря бесконечному производству данных и интенсивной коммуникации, вследствие чего «свобода и надзор становятся одним целым» (мы сами стремимся к максимальной «видимости»). Информационное общество транспарентно (С. 37): информация циркулирует свободно, а люди — узники транспарентной цифровой тюрьмы.

- Господство информационного режима незаметно, потому что он сливается с повседневностью под предлогом удобства — «прячется за услужливостью социальных сетей, удобством поисковиков, убаюкивающим звучанием голосовых помощников и любезной предусмотрительностью умных приложений... в цифровой тюрьме, поданной как комфорт, исчезает всякое сопротивление господствующему режиму. Лайк исключает любую революцию» (С. 39–40). Неолиберальные техники власти информационного капитализма работают не через принуждение и запрет, а через положительное стимулирование — «эксплуатируют свободу, а не подавляют ее». «Репрессивная власть дисциплины уступает место власти, которая не приказывает, а нашептывает, не раздает команды, а подталкивает... Надзор и наказание... фукольдianского дисциплинарного режима уступают место мотивированию и оптимизации... Господство выдает себя за свободу, коммуникацию и сообщество» (С. 40).

- Датаизм — одержимость данными, которая придает информационному режиму тоталитарные черты (претензия на тотальное знание через алгоритмические операции), но это «тоталитаризм без идеологии».

- Медиакратия — это «театрокрация: политика исчерпывает себя медийными инсценировками» (апогей — когда актер становится президентом) (С. 56). «Медиакратия низводит предвыборную кампанию до войны инсценировок в масс-медиа: дискурс заменяется шоу... телевидение функционирует как политическая трибуна. При инфократии, напротив, предвыборная кампания вырождается до информационной войны... социальные сети — это не медиакратическая трибуна, а инфократическая арена» (С. 69), а мемы — «медий-

ные вирусы в Сети», т.е. коммуникация на основе мемов «заразительна как вирус и препятствует рациональному дискурсу, так как в первую очередь мобилизует аффект» (С. 73).

- Цифровая демократия — демократия присутствия в реальном времени: «смартфон становится мобильным парламентом, а дебаты ведутся круглосуточно», однако порождаемые такой демократией «цифровые стаи — это не ответственный и политически активный коллектив... а потребительский скот, деполитизированный... Смартфон ускоряет распад публичной сферы, потому что беспрепятственно выставляет напоказ личное... скорее ж он производит потребляющих и коммуницирующих зомби, чем зрелых граждан» (С. 79).

- Трайбализм сегодняшнего дня: сетевые/цифровые племена — результат дефактизации и рефактизации жизненного мира, т.е. создания внутрисетевых пространств без общественного опыта и опыта идентичности (С. 89), на основе не нарративных, а абсолютных притязаний на правоту. Сетевые племена замыкаются в себе, крайне избирательны в потреблении информации в интересах своей политики идентичности, игнорируют все, что противоречит их убеждениям, отклоняют любой дискурс и диалог. «Цифровая коммуникация как коммуникация без общности разрушает политику слышания» (С. 94).

- Цифровая рациональность — та, что обходится без коммуникативной деятельности: большие данные и искусственный интеллект датаисты считают функциональным эквивалентом распадающейся сегодня публичной сферы — «дискурс заменяется данными» (С. 99), а люди — социометриками, и «майнинг реальности при помощи цифровых сенсоров делает все общество вычислимым и контролируемым» (С. 111), но «человек растворяется, превращаясь в убогий набор данных» (С. 114).

- Новый нигилизм — результат «распада дискурса до информации (центробежная внутренняя логика, аддитивность и кумулятивность), что ведет к кризису демократии» и истины (центростремительная сила, которая спланирует общество, нарративная и эксклюзивная). В результате «значение утрачивает само различие между истиной и ложью» (С. 120) — мы живем не в мире лжи, а в мире *fake news*, которые «нападают на саму фактичность, дефактицируют истину» (С. 121), поэтому сегодня мы прекрасно информированы о самых разных вещах, но при этом совершенно дезориентированы. Идея истины связана с тем, могут ли притязания на достоверность выдержать контраргументы и быть признаны всеми потенциальными участниками дискурса, но нынешний нарративный кризис ведет нас к смысловой пустоте и кризису идентичности. В этом причина устойчивости и популярности теорий заговора [см., напр.: 1; 8; 10] — в них можно почерпнуть идентичность и смысл, несмотря на свой выдуманный характер, они выступают основой восприятия действительности: выдуманность превращается в фактичность, но не истинного положения дел, а нарративной когерентности.

• «Сегодня философия распростилась с правдивой речью, с заботой об истине... отворачивается от настоящего, а потому у нее нет будущего» (С. 141–142). Мы же стали «узниками цифровой пещеры, хотя мним себя свободными, но прикованы к цифровому экрану» (С. 143). «Истина обладает бытийной устойчивостью, в цифровом порядке на ее место приходит текучесть информации... В тоталитарном государстве, основанном на тотальной лжи, правдивая речь — это революционный акт... Напротив, в постфактическом информационном обществе пафос истины совершенно растворяется в пустоте... теряется в шуме информационного потока. Истина распадается до информационной пыли, которую развеивает цифровой ветер» (С. 144).

К счастью, эта дистопичная и потому пессимистичная картина непрерывного и несветлого будущего вряд ли способна вогнать даже самого впечатлительного читателя в депрессивное состояние — она построена на слишком сильных и слишком широкомасштабных обобщениях в отношении реалий, которые крайне неравномерно распределены даже в пределах конкретных стран. Сложно опасаться наступления эпохи полной инфократии в ситуации постоянно возрастающего цифрового разрыва (см., напр.: [5; 9; 11]), который, в свою очередь, определяется серьезным уровнем социального неравенства, в том числе с точки зрения доступа к тем технологиям, благодаря которым мы сегодня в принципе говорим о цифровом обществе и постепенно захватывающей его инфократии.

Библиографический список

1. *Ариели Д.* Время заблуждений: почему умные люди поддаются фальсификациям, распространяют слухи и верят в теории заговора. М., 2024.
2. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М., 2022.
3. *Иллуз Е.* Почему любовь уходит? Социология негативных отношений. М., 2024.
4. *Иллуз Е., Кабанас Э.* Фабрика счастливых граждан: как индустрия счастья контролирует нашу жизнь. М., 2023.
5. *Ричи С.* Наукообразная чушь. Разоблачение мошенничества, предвзятости, недобросовестности и хайпа в науке. М., 2024.
6. *Робертсон С.* До компьютеров: об информационных технологиях от письменности до эпохи цифровых данных. М., 2025.
7. *Троцук И.В.* (Не) любовь и другие последствия (не) свобод и (не) выбора в эпоху «эмоционального (пост) модерна (что бы таковой ни значил) // Социологическое обозрение. 2025. Т. 24. № 3.
8. *Троцук И.В.* Плоская земля: от живучего мифа к научной метафоре // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2.
9. *O'Neill C.* Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. New York, 2016.
10. *Trotsuk I.* Eschatological conspiracy theories: Models and ways for identifying apocalyptic semantics and syntax // Russian Sociological Review. 2023. Vol. 22. No. 4.
11. *Trotsuk I.V.* All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise // Russian Sociological Review. 2021. Vol. 20. No. 1.

A short glossary for diagnosing the digital age*

A.V. Nimensky, A.D. Gerasimov

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: 1142220897@rudn.ru; 1132210569@rudn.ru)

Abstract. The article is a review of Byung-Chul Han's *Infocracy: Digitalization and the Crisis of Democracy* (translated from German by S.O. Mukhamedzhanova, Moscow: AST Publishing House, 2025. 160 p.). According to the annotation, this is a "laconic, conceptually rich essay" in which the author "examines the transformation of democracy in the digital age — when information, not ideology or economics, becomes the main instrument of power" (P. 4). One may disagree with the author's radical separation of information, on the one hand, and ideology and economics, on the other (after all, information presupposes an ideological component, and its dissemination requires economic investments), but one cannot help but admit that the book offers the reader a brief glossary (a system of concepts for analytical work) for "diagnosing" the current digital age from. The author's "diagnosis" is disappointing, but the reader can argue with it based on the author's categorical apparatus in his own "diagnosis".

Key words: information; digital age; information regime; information society; digital rationality; communication activities; infocracy

For citation: Nimensky A.V., Gerasimov A.D. A short glossary for diagnosing the digital age. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (4): 886–892. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-886-892>